

Никулина Н. И.

ОПЫТ АНАЛИЗА СТИЛИСТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА В РОМАНЕ М. МИТЧЕЛЛ "GONE WITH THE WIND"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/57.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 146-148. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

димости извлечь эти семы с периферии. Ассоциативные семы в образовании подобных дериватов не участвуют.

В качестве обращений к людям, не состоящим в родстве с говорящим, регулярно используются следующие наименования родства: мать, матушка, мамаша, отец, батя, папаша, сынок, дочка, доченька, брат, братан, братец, братишка, браток, братела, сестрёнка, дядя, дяденька, тётя, тётенька, тётка, дед, дедушка, бабка, бабуля, бабушка, внучек, внученька.

Употребление в качестве обращений к незнакомым людям терминов родства носит избирательный характер и во многом зависит от возраста и от пола не только называемого, но и говорящего.

Слова *дядя*, *дяденька* и *тётя*, *тётенька* встречаются только в детской речи, где они нейтральны в качестве обращений к незнакомым взрослым людям вне зависимости от наличия суффикса **-еньк-**: «Тётенька, скажите, как к остановке пройти?». Обращаясь к людям более старшего возраста, дети используют слова *бабушка* и *дедушка*, которые также нейтральны: «Дедушка, садитесь».

В речи подростков обоих полов обращения типа *дядя* и *тётя*, а также *дед*, *бабка*, *бабуля*, *дедуля*, имеют ироническую окраску. Появляются обращения к ровесникам *брат*, *братан* и *мать*. Подростковая речь является переходным этапом к речи взрослых, которая имеет явные гендерные различия.

Взрослые мужчины могут употреблять по отношению к лицу приблизительно своего возраста *брат*, *браток*, *братишка*, *братан*, *братела* («Братан, курить есть?»), редко *сестрёнка* («Сестрёнка, помоги, не хватает пять рублей»), но практически никогда *сестра* или *сестрица*. Мужчины по отношению к старшим употребляют: *отец*, *папаша*, *батя*, *дед*, *дедуля*, *мать*, *мамаша*, *тётка*, *бабка*, *бабушка*, *бабуля* (в автобусе: «Мамаша, сидела бы дома, куда ж ты прёшь», «Отец, извини, тороплюсь», «Ну, бабка, давай резче», «Бабуля, садись, затопчут»). Слова *мать*, *матушка* и *бабка* могут употребляться и по отношению к ровеснице. Кроме того, что все эти обращения фамиллярны, в них частично сохраняется стилистическая окраска производящего наименования родства, сравним: *бабка* (пренебреж.) – *бабуля* (ласкат.).

Взрослые женщины, обращаясь к ровесникам, не используют производных ни от *сестра*, ни от *брат*. Нередко к ровесницам обращаются *мать*, *матушка*, что придаёт речи фамиллярность. В качестве обращений к людям пожилого возраста могут использоваться *бабушка* и *дедушка* (нейтральны), но редко *дед*, *бабка*, ещё реже *мамаша*, *папаша*, *тётка* (фамиллярно-пренебрежительные), т. к. в этом проявляется тяготение к мужской речи.

Представителями старшего поколения мужского и женского пола употребляются по отношению к лицам молодого возраста обращения *дочка*, *сынок*, *внучек*, *внученька*, образованные на базе наименований с ласкательными суффиксами («Внученька, где ж тут почта?»). Положительная оценка в обращениях сохраняется. Пожилые люди также могут обращаться друг к другу *дед* и *бабка*. Гендерных различий в речи старшего поколения не прослеживается.

Некоторые из обращений вызывают неудовольствие тех, к кому обращаются: «Бабушка, вы бы подвиньтесь. – Внучек нашёлся. Сам двигайся», «Мамаша, проходите. – Я тебе не мамаша, папаша». Обращает на себя внимание, что обращения-семантические дериваты от наименований родства вызывают в ответ соотносительные к ним термины: *бабушка* – *внучек*, *мамаша* – *сынок* или соответствия по полу *мамаша* – *папаша*, что подчёркивает прозрачность внутренней формы таких обращений.

В рамках этой модели необходимо выделить образование обращения-междометия *братцы*: «А не прогулять ли нам, братцы, экологию?» (среди адресатов большая часть – девушки). В этом деривате нейтрализуются все семы, кроме гиперсемы «человек». Ближе к этому обращение *батенька* с иронической окраской (как правило, в сочетании с обращением на Вы), в котором также нейтрализованы все семы, кроме «человек» и «мужской пол»: «Да вы, батенька, философ» (молодой парень – другу), ср. обращения *старик*, *старичок*, *старуха*. В направлении превращения в междометия движутся и слова *мать*, *матушка* в отношении к ровеснице: «Ну, мать, ты и дала», «Я тебе, матушка, уже говорила: надо смыться, ты ж не слушаешь».

Таким образом, обращения, созданные на основе терминов родства по одной модели, дифференцируются в зависимости от условий коммуникации.

ОПЫТ АНАЛИЗА СТИЛИСТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА В РОМАНЕ М. МИТЧЕЛЛ «GONE WITH THE WIND»

Никулина Н. И.

Тамбовский государственный технический университет

Внутренний монолог является действенным приемом в реализации идей художественного содержания литературных произведений. Его стилистическая функциональность объясняется общими тенденциями художественной литературы: субъективизацией повествования и наполнением его внутренним психологизмом.

Использование внутреннего монолога в романе М. Митчелл «Gone with the wind» помогает достигнуть максимального эффекта при передаче внутреннего мира главной героини Скарлетт О'Хара. Ее поступки, зачастую противоречивые, на протяжении всего повествования сопровождаются внутренней речью, которая помогает читателю прочувствовать эмоциональное состояние героини в каждой конкретной ситуации.

Автор применяет разные виды внутренней речи от малых вкраплений до потока сознания, что позволяет сохранить эффективность и в то же время не допускает ощущения навязчивого повторения приема. При

этом прослеживается тенденция к употреблению диффузных внутренних монологов, то есть структур, включающих элементы аутодиалога и малые вкрапления внутренней речи, а по протяженности относящиеся скорее к потоку сознания.

Общий анализ частности употребления разновидностей внутреннего монолога позволяет выделить непосредственно внутренний монолог как наиболее часто употребляемое средство передачи эмоционального состояния героини. На втором месте стоит поток сознания, который незначительно преобладает над аутодиалогом. Что же касается малых вкраплений внутренней речи, в данном произведении они представлены в минимальном количестве. Тем не менее, являясь составной частью речевой партии героини, **малые вкрапления внутренней речи** обогащают ее состав эмоциональным оттенком:

“No, Ashley could be in love with Melanie, because – oh, she couldn't be mistaken! – because he was in love with her!”

Вкрапление внутренней речи в данном примере позволяет судить об импульсивности героини.

В романе малые вкрапления включают преимущественно эмоционально-разговорную лексику: междометия, ненормативную лексику: “Damn our money” (вполне очевидно, что подобное выражение не является нормой для описываемого социального круга), выражения эмоционально-экспрессивного характера: “Oh, God!”, “Good Lord!” и т. д.

Спонтанная реакция героини передается в основном с помощью коротких, отрывистых, часто незаконченных предложений, в основном номинативных конструкций: “Dreams! Always dreams with him! Never common sense!”, в которых проявляется основная функция, выполняемая этой разновидностью внутреннего монолога – отражение эмоционального восприятия событий, и более общая функция – имплицитная характеристика самой героини.

Малые вкрапления часто предшествуют целым монологам или входят в их состав:

“If necessary, she would bully Frank into giving him a job in the store, make Frank turn off the boy he now had behind the counter. But, no – Ashley's place was no more behind a counter than if was behind a plow. A Wilkes a shopkeeper! Oh, never that! There must be something – why, her mill of course! ... But would he accept an offer from her? Would he still think it was charity? She must manage it so he would think he was doing her a favor...”

Здесь малое вкрапление входит в состав монолога с элементами аутодиалога, где заданные вопросы требуют ответа. В следующем отрывке представлен более яркий пример **аутодиалога**:

“How could he be planning to marry Melanie when he really loved her, Scarlett? And when he knew how much she loved him? How could he deliberately break her heart? ... “Why, Ashley hasn't an idea that I'm in love with him!” ...Even now it wasn't too late? ...And Ashley's engagement had not even been announced yet! Yes, there was plenty of time!”

If no love lay between Ashley and Melanie but only a promise given long ago, then why wasn't it possible for him to break that promise and marry her? Surely he would do it, if he knew that she, Scarlett, loved him. She must find some way to let him know. She would find some way! And than ...”

Анализ этой дроби текста показывает, как четко соблюдены автором синтактико-стилистические особенности аутодиалога: это и диалогизация самосознания, и вопросно-ответная схема, где вопросы диктуются повышенной эмоциональностью героини.

Благодаря чередованию разных синтаксических структур, повествование приобретает в аутодиалоге некоторую ритмичность, которая не нарушается даже характерной для него разноплановостью темпоральной системы, это отчетливо прослеживается в следующем отрывке:

“Why should Rhett bother himself about Ashley's safety? Certainly he disliked him, certainly he professed a contempt for him. Then why...”

“Oh, it's all my fault! India and Archie spoke the truth. It's all my fault. But I never thought either of them was foolish enough to join the Klan! And I never thought anything would really would happen to me! ...”

В данном случае расширение синтаксической структуры текста происходит за счет повторов, свойственных эмоциональной речи и придает ей некоторую ритмичность. Повторы, благодаря своим свойствам, выполняют здесь функцию придания динамики повествованию: эмоции разрастаются, мысль получает развитие, и аутодиалог плавно переходит в собственно внутренний монолог.

Основная функция аутодиалогов в романе М. Митчелл – это отображение сложного процесса становления образа главной героини через самоанализ и самосознание.

Рассмотрение отрывков текста, содержащих исследуемое явление характеризует аутодиалог, как средство передачи внутренних конфликтов героев. Ритмико-интонационные особенности позволяют выделить не менее важную функцию аутодиалога, как средства создания композиции романа, так как, входя в состав более распространенных разновидностей внутреннего монолога, он придает им особое звучание и наполняет их внутренним психологизмом.

Отдельный интерес представляет внутренняя речь героини, непрерываемая комментариями автора, которая передается в виде **потока сознания**. Такие монологи отличаются большим объемом и наличием сложных синтаксических конструкций с многочисленными повторами, выделяющими основную мысль в условиях ослабленных содержательных связей. Внутренняя речь героини может быть настолько структурно и семантически смешана, что в этом потоке стираются грани между предложениями. Основой синтаксического рисунка потока сознания являются присоединительные конструкции. В них используется повтор сказуемого, а также распространение предложений по линии определений.

Собственно **внутренний монолог** представляется основным стилистическим средством передачи внутреннего мира главной героини романа. Переход к внутренней речи происходит незаметно, так как монолог ограничивается от основного повествования только на выходе, вхождение в него почти всегда размыто. Это снимает эффект искусственности проникновения в сознание героини, обеспечивает естественность ощущений.

Внутренние монологи не только раскрывают чувства и эмоции героини в определенных ситуациях, но и помогают проследить динамику мыслительного процесса, постепенное обновление ценностей и взглядов. С помощью именно этого стилистического приема передается кульминация всей грандиозной эволюции в сознании Скарлетт.

Эффективность функционирования внутреннего монолога в произведении основывается на его специфических особенностях:

- тенденция к употреблению противопоставлений в прономинальной системе «я - ты», «я - мы», отражающих процесс самоанализа и анализа отношений;
- преобладание презентных форм в темпоральной системе, создающее эффект сиюминутности, неотложности передаваемой идеи;
- употребление сослагательного наклонения, позволяющего проникнуть в мир надежд и желаний героини;
- частое использование модальной лексики и эмоционально-экспрессивных слов.

На лексическом уровне необходимо выделить такую специфическую особенность как обнаружение дополнительного значения слов. Знаменитая фраза "I'll think of this tomorrow" представляет собой реализацию теории установки. Слово "tomorrow", благодаря частому использованию, приобретает особый оттенок значения, выражающий надежду на будущее, на перемены к лучшему.

Читатель воспринимает внутреннюю речь как откровение, проникается чувствами героини, что способствует лучшему пониманию намерений автора и позволяет правильно интерпретировать основную идею произведения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что функционирование внутреннего монолога в романе усиливает его психологизм, углубляет связи между событийным и эмоциональным планом, помогая тем самым изобразить сложный, но достоверный и жизненный характер главной героини.

О НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИЯХ МЕТАТЕКСТОВЫХ ОПЕРАТОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Одекова Ф. Р.

Ставропольский государственный университет

В лингвистике термин «метатекст» имеет насыщенную историю. Это понятие было введено А. Вежбицкой в 1978 г. и представляет собой «описание и одновременно инструкцию по пониманию текста» [Вежбицкая 1978: 405]. Работа А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» послужила стимулом для дальнейших исследований. Метатекст, по Вежбицкой, - «это двухголосый текст, двутекст, возникающий в сознании слушающего, высказывание о высказывании, нити, сшивающие текст в тесно спаянное целое, но являющиеся «инородным телом». Понять говорящего – «не только перевести для себя» отдельные предложения лица, но и уловить связи между этими предложениями, вскрыть мысленную конструкцию целого» [Вежбицкая 1978: 403]. То есть метатекст – проявление говорящего субъекта, располагающего целой серией средств для комментария своего, авторского, поведения. Прагматическая ориентация – один из признаков метатекста. «Метатекстовые элементы текста «вербализуют такие прагматические компоненты, как интенция адресанта текста (автора, составителя издания, редактора, комментатора и т.д.); название текста или его элемента как объекта созидания, интерпретации, восприятия; сам факт развёртывания текста и номинация реализуемых в этом направлении речевых шагов; адресат текста и др.» [Шаймиев 1996: 80].

С.В. Лосева в диссертации «Частицы в системе метатекстовых операторов» дает такое определение метатекста: «**Метатекст** – функционально-семантическая категория текста, означающая присутствие говорящего в тексте, имеющего цель передачи авторского отношения к языковому коду своего высказывания (речевого произведения)» [Лосева 2004: 9], - и предлагает целую классификацию метатекстовых операторов, используемых при создании «метатекста в тексте».

Все метатекстовые операторы делятся на: 1. вербальные и 2. графические. Вербальные метатекстовые операторы делятся на: 1) Эксплицитные / редуцированные, к которым относятся: глаголы, существительные, предлоги. 2) Имплицитные, к которым относятся: некоторые предлоги, анафорические местоимения, частицы, союзы, модальные слова, слова-гибриды.

В графические метатекстовые операторы входят: 1) абзацный отступ, 2) кавычки, 3) шрифтовые выделения, 4) нумерация и маркеры, 5) вставки (тире, скобки, запятые).

Данные метатекстовые операторы обладают конкретными метатекстовыми функциями. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

1) Указание на логический субъект высказывания: «*Остановимся на наиболее общих проявлениях изофункциональности*» (Леденев Ю.Ю. Явления изофункциональности в синтаксисе языка, с. 39), - с помощью